

A romantic illustration of a man and a woman in a close embrace on the deck of a ship. The man is shirtless and muscular, wearing dark trousers. The woman is wearing a light blue, off-the-shoulder dress. They are looking at each other with affection. The background shows the ship's rigging and a sunset sky.

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Пленник моих
желаний*

JOHANNA
LINDSEY

*Captive
of my Desires*

a Novel

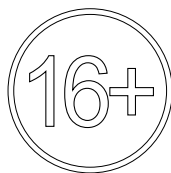
ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Пленник моих
желаний*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
Л59

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Originally published by Gallery Books,
a Division of Simon & Schuster, Inc.

Переведено по изданию:
Lindsey J. *Captive Of My Desires* : a novel / Johanna Lindsey. —
Pocket Books : New York, London, Toronto, Sydney, 2006. — 384 p.

Перевод с английского *Инны Паненко*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-7383-2 (PDF)
ISBN 978-617-12-6883-8
ISBN 978-1-4165-0547-1 (англ.)

© Johanna Lindsey, 2006
© John Paul, обложка, 2019
© Hemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2019

Эта книга является художественным произведением. Все имена и названия, персонажи, место действия и сами события вымышлены или используются в художественных целях. Любое сходство с подлинными событиями либо отдельными лицами, как ныне живущими, так и покойными, совпадение.

Глава 1

Ей велели спрятаться и носа не показывать. Габриэла Брукс и сама подумала о том же, выбравшись на палубу и увидев, из-за чего поднялась суматоха. Правда, спрятаться ей велел не капитан, который был абсолютно уверен, что не потеряет вверенный ему корабль. Он даже смеялся и грозил кулаком «Веселому Роджеру», развевававшемуся на главной мачте атакующего корабля, которую уже было видно даже невооруженным взглядом. Его энтузиазм и, как ей показалось, даже некоторое удовольствие успокоили Габриэлу. Пока какой-то моряк не оттолкнул ее в сторону, велел спрятаться.

В отличие от капитана, Эйвери Доббс, похоже, вовсе не был рад грядущему столкновению. Лицо его стало блее белых парусов, которые дополнительно поспешно поднимала команда. И он без всякого почтения подтолкнул ее в сторону трапа.

— Спрячьтесь в одной из пустых бочек для провианта в трюме. Их там множество. Если повезет, пираты откроют одну-две, увидят, что они пустые, и двинутся дальше. Я велю вашей служанке тоже спрятаться. Ступайте же! И что бы вы ни услышали, не покидайте укрытия, пока за вами не придет тот, чей голос вы знаете.

Эйвери не сказал, что сам за ней придет. Его паника передалась Габриэле, а несвойственная грубость удивила. Скорее всего, на руке, где он ее схватил, останутся синяки. Столь неожиданный поворот после галантного отношения на протяжении всего путешествия... С самого начала он за ней

ухаживал, — по крайней мере, так выглядело его поведение со стороны, хотя, возможно, Габриэле это только казалось. Ведь Эйвери было двадцать с лишним, а она только что покинула школьную скамью. Поэтому его подчеркнутая галантность, проникновенный голос и время, которое он постоянно уделял ей на протяжении первых трех недель плавания, заставляли думать, что она нравится ему больше, чем следовало бы.

Ему удалось передать Габриэле свой страх, и она поспешила в трюм, где без труда нашла бочки для провианта, о которых упомянул Эйвери. Почти все оказались пустыми, ведь корабль приближался к пункту своего назначения на Карибских островах. Через пару дней они зашли бы в гавань Сент-Джордж в Гренаде. Именно там в последний раз слышали о ее отце. Именно оттуда следовало начинать свои поиски.

Габриэла не очень-то хорошо знала Натана Брука, хотя и хранила о нем только приятные воспоминания. Но после смерти матери у нее остался только он. И, несмотря на то что он никогда надолго не задерживался дома, она ничуть не сомневалась, что отец ее любит. Месяц, пару месяцев от силы, а однажды даже целое лето... но потом он несколько лет вообще дома не показывался. Натан Брук командовал собственным торговым судном и занимался очень выгодными перевозками в Вест-Индии. Он присылал домой деньги и экзотические подарки, но в Англии появлялся редко.

Он как-то заикнулся о том, чтобы перевезти семью поближе к себе, к своей работе, но Карла, матушка Габриэлы, даже слушать об этом не стала. Она всю жизнь прожила в Англии. Родных у нее здесь уже не осталось, но были друзья — как и все, что оказалось дорого ее сердцу. К тому же она никогда не одобряла стремления Натана к дальним плаваниям и занятию торговлей. Она и слово-то это произносила с отвращением. Сама она была знатного рода, хотя и не

имела титула, поэтому на всех купцов, не исключая собственного мужа, смотрела свысока.

Вызывало удивление, что они вообще поженились. Они явно не подходили друг другу. Габриэла никогда — даже намеком! — не обмолвится отцу, что его продолжительное отсутствие привело к тому, что Карла завела... Ох, она даже мысленно не могла произнести это слово, что уж говорить о том, чтобы произнести его вслух. Она очень стыдилась собственных выводов. Но в последние несколько лет Альберт Свифт стал чересчур частым гостем в их двухэтажном загородном доме в окрестностях Брайстона, и Карла начала вести себя как школьница, когда бы он ни появился в городке.

Когда же он прекратил свои визиты и пошли слухи, что в Лондоне он имеет виды на какую-то богатую наследницу, с матушкой Габриэлы произошли разительные перемены. За одну ночь она превратилась в убитую горем женщину, которая, оплакивая потерю мужчины, который так никогда ей по-настоящему и не принадлежал, возненавидела окружающий мир и всех в этом мире.

Давал ли он Карле обещания, была ли Карла намерена развестись с супругом, не знает никто, но, когда коварный Альберт обратил свой взор на другую женщину, ее сердце разбилось. Она стала женщиной, которую предали. В начале весны Карла слегла, и с каждым днем ей становилось все хуже, однако она даже не пыталась облегчить свое состояние, не слушая советов врачей и практически умирая с голоду.

У Габриэлы сердце разрывалось при виде того, как угасает мать. Пусть она и не одобряла ее увлечения Альбертом, как и нежелание сохранить свой брак, но все равно искренне любила мать и готова была на все, чтобы ее утешить. Она заполняла комнату матери полевыми цветами, читала ей вслух, даже настояла на том, чтобы их экономка, Марджери, большую часть дня проводила в покоях матушки, поскольку

была женщиной словоохотливой и довольно язвительной. К этому моменту Марджери прожила у них уже семь лет. Средних лет, с ярко-рыжими волосами, живыми голубыми глазами и россыпью веснушек, она вела себя уверенно, но искренне и совершенно не испытывала трепета перед аристократами. Кроме того, Марджери была очень заботливой и относилась к Бруксам как к родным.

Габриэла решила было, что ее усилия увенчались успехом, что к матери возвращается вкус к жизни — она вновь начала есть и перестала вспоминать Альберта, — поэтому была буквально раздавлена, когда вдруг среди ночи матушка отдала Богу душу. «Просто зачихла», — решила Габриэла, хотя казалось, что мать уже шла на поправку. Но отцу она обо всем этом рассказывать не собиралась. К тому же после смерти матери Габриэла осталась совершенно одна.

И хотя она унаследовала приличное состояние, поскольку Карла была из богатой семьи, девушка знала, что не увидит этих денег, пока ей не исполнится двадцать один год, а этого еще ой как долго ждать. Денег, которые регулярно присылал отец, хватало на ведение хозяйства, но ведь ей уже исполнилось восемнадцать.

А еще ей должен быть назначен опекун. Душеприказчик Карлы, Уильям Бейтс, упомянул об этом, оглашая завещание. Пребывая в трауре, Габриэла не обратила на это особого внимания, но когда ей сообщили имя, она ужаснулась. Этот человек был известным волокитой, что не было ни для кого секретом. Ходили даже слухи, что он гонялся за служанками по всему дому, а однажды во время вечеринки в саду ущипнул Габриэлу за ягодицы. А ей тогда было только пятнадцать!

Опекун... Да еще и с такой репутацией... Это уже ни в какие ворота! При живом-то отце! Необходимо было отыскать отца, и Габриэла решила не откладывать дело в долгий ящик. Правда, ей пришлось побороть свои страхи — и прежде все-

го страх обогнуть по морю полмира, оставив все, что было знакомо с детства. Дважды она чуть было не передумала. Хорошо, что Марджерии согласилась отправиться с ней.

Путешествие прошло отлично, намного лучше, чем Габриэла ожидала. Никто не стал отговаривать ее от путешествия с одной только служанкой. Ведь она находилась под защитой капитана судна, по крайней мере на протяжении всего плавания, и дала понять, что, когда они причалят, в порту ее встретит отец. Всего лишь невинная ложь, чтобы развеять тревогу...

Теперь мысли об отце и надежда поскорее найти его на короткое время заглушили охвативший ее страх. Свернувшись калачиком, Габриэла без труда укрылась в пустой бочке, поскольку была хрупкой и небольшого роста. Правда, протиснувшись в бочку и уже собираясь опустить крышку, она почувствовала, как в спину впиалась заноза. Но даже если бы внутри было достаточно места, чтобы развернуться, занозу вряд ли удалось бы вытащить.

Она недоумевала, как по теперешним временам на мачте корабля может развеяться «Веселый Роджер». Пираты считались исчезающим явлением, и Габриэла полагала, что все они остались в прошлом веке: их либо помиловали, либо повесили. Ходить по теплым водам Карибского моря считалось таким же безопасным занятием, как совершать прогулку по тропинке в Англии. Если бы она не была в этом уверена, то никогда бы не решилась отправиться на край земли. Однако она собственными глазами видела пиратский флаг!

Внутри у Габриэлы все сжалось от страха, к тому же пустой желудок давал о себе знать. Она не завтракала и намеревалась наверстать упущенное за обедом, но тут возник этот пиратский корабль — еще до того, как подали обед. А после этого прошло уже несколько часов. По крайней мере девушке казалось, что прошла вечность, пока она сидела,

скрючившись в бочке, и не было и намека на то, что же происходит наверху.

Оставалось предположить, что они оторвались от пиратского судна. Но если это так, почему же Эйвери не пришел сообщить ей об этом? Неожиданно раздался взрыв, и судно трянуло. Затем последовал еще один, за ним еще — и все невероятно громкие. Судя по всему, начался бой. В укрытие просочился запах дыма от выстрелов орудий, стали слышны хриплые вопли, а затем повисла продолжительная, устрашающая тишина.

Невозможно было понять, кто одержал победу в сражении, и эта неизвестность действовала на нервы. Время шло, Габриэле становилось все страшнее. Она чувствовала, что скоро не выдержит и закричит. Честно признаться, она не знала, как ей до сих пор удавалось не поддаться этому желанию. Если они выиграли битву, Эйвери должен был уже появиться. Если только он не ранен и не успел предупредить остальных, где она прячется. Если только он не погиб. Следует ли ей покинуть убежище, чтобы это выяснить?

А что, если победу одержали пираты? Как они поступают с захваченными кораблями? Пускают их на дно? Оставляют, чтобы впоследствии продать? Или собирают на них свою команду? А как поступают с командой захваченного корабля? С его пассажирами? Отнимают у всех жизнь?

Из горла Габриэлы едва не вырвался крик, когда крышку на бочке резко сорвали.

Глава 2

Пираты! Габриэла получила неоспоримое доказательство того, что пираты существуют, когда один из них за волосы вытащил ее из бочки, под смех и улюлюканье остальных выволол на палубу и швырнул перед самым ужасным из них — капитаном.

Девушка была настолько напугана, что и предположить не могла, что ждет ее дальше. Но при этом была уверена: что-то ужасное. Единственная спасительная мысль, которая пришла в голову, — прыгнуть за борт.

У мужчины, стоящего напротив и меряющего ее высокомерным взглядом, были жидкие каштановые волосы до плеч и потрепанная треуголка с убогим розовым птичьим пером, сломанным по меньшей мере в двух местах. И без того нелепый внешний вид капитана дополняли ярко-оранжевый атласный сюртук и кружевной нашейный платок — явно из прошлого века. К тому же его наряд был в таком ужасающем состоянии, что казался таким же древним.

— Капитан Бриллэрд к вашим услугам, мисс. — Он засмеялся. — По крайней мере, в этом месяце я откликаюсь на это имя.

Габриэла подумала, что если уж он меняет имена как перчатки, то ему стоило бы обзавестись прозвищем. Например, вполне подошло бы Бородавочник. Она никогда не видела, чтобы у человека на лице было столько бородавок!

Продолжая дрожать от страха, девушка молчала, бросая взгляды на борт корабля.